ISSN 0027–8068

НАШ СОВРЕМЕННИК

Журнал писателей России

№ 11 2011

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

9 ноября 1711 года в России, в деревне Мешанинской Архангельской губернии в крестьянской семье родился Михаил Васильевич Ломоносов. К 300-летию великого русского гения, основоположника отечественной науки, основателя Московского университета, человека, который, по меткому слову Пушкина, “… сам был первым нашим университетом”, мы публикуем отрывок из подготовленной к печати монографии Виталия Константиновича Новика “М. В. Ломоносов, личность и образы”. Книга эта сложна, противоречива, но автору удалось главное — *показать величие учёного и драматизм судьбы человека и подвижника, вынужденного не только заниматься чистой наукой, но и сражаться с косностью и равнодушием окружающих. Автор убедительно доказывает, что истинная слава пришла к Ломоносову лишь после его кончины. Но такова судьба многих русских талантов, отдавших душу и жизнь свою ради славы и процветания нашей любимой Родины.*

- Образ и личность Ломоносова

Образ и личность Ломоносова

В понедельник, четвертого (старого стиля) апреля 1765 года, на третий день “святыя недели” Пасхи, в пять часов пополудни, в Санкт-Петербурге, в собственном доме скончался статский советник, один из первоприсутствующих Канцелярии Академии наук, профессор Академии по классу химии Михаил Васильевич Ломоносов. Причиной этого печального события было заболевание легких, “чахотка” или “новый, обостренный простудой, приступ его прежней болезни”. За два дня до кончины он причащался, а при соборовании, когда он в полном здравом рассудке прощался со своей супругой, дочерью и остальными домочадцами, священник Воскресенской церкви Сухопутного Шляхетного Кадетского корпуса Андрей Бордяковский принял его последний вздох. По его кончине, как писала дочь, в доме не оказалось средств для достойных похорон. Тогда же граф Г. Г. Орлов по Высочайшему соизволению Государыни приказал наложить свои печати в его (Ломоносова) доме, поскольку там, безусловно, имелись документы, которым не дозволено быть в чужих руках. Обычно опечатывался кабинет и книжные шкафы. Позднее, сторговавшись в цене, граф купил библиотеку, рукописи и научные инструменты покойного, а через несколько месяцев бумаги были разобраны Г. В. Козицким, и часть из них была помещена в доме Орлова “в особом покое”.

Восьмого апреля, утром, тело Ломоносова было погребено “с богатою церемониею… Императорским иждивением” (императрица выделила на похороны значительную сумму) на Лазаревском кладбище в Александро-Невской лавре при великом скоплении людей. Во время великолепных похорон отпевание вели архиепископы Петербургский и Новгородский в присутствии другого знатного духовенства. С покойным сочли необходимым придти проститься “господа сенат”, множество знатных особ и, конечно, профессора и служащие Академии наук. Печаль и горесть невиданного стечения “всех любителей словесных наук” были искренни и неподдельны.

Кончалась целая эпоха бытия Академии.

На собрании 18 апреля профессора вернулись к печальному событию, записав третьим пунктом в протокол: “По общему мнению академиков похвальное слово о Ломоносове, а также и других ранее скончавшихся академиках, должно написать и в Комментарии поместить”, не высказав, однако, желания выделить его **среди прочих**, что достаточно полно отражало мнение сослуживцев о покойном. Эта академическая элогия увидела свет

только через 18 лет при совершенно изменившихся обстоятельствах.

Что можно сказать о тогдашней Академии?

Санкт-Петербургская Императорская Академия наук в середине XVIII века была небольшим учреждением, общей численностью, включая Президента, академиков, писарей, типографию, мастеровых, сторожей, матросов и трубочистов, менее полутора сотен человек, со сторонними службами — свыше трехсот. Среди них собственно научный штат — “Академики и члены Собрания” — по регламенту 1747 года предусматривал 9 должностей академиков, 9 адъюнктов, 10 почетных членов (российских и зарубежных), 5 профессоров университета и 1 историографа. Этим же регламентом из состава Академии выделялись, но сохранялись при ней гимназия (ректор — 1, конректор — 1, учителей — 6, учеников — 20) и университет (ректор — 1, профессора — 5, студентов — 30). В рассматриваемый период эти академические и учебные должности ни разу не были полностью замещены.

Академия пребывала на периферии внимания власти, и во главу ее, на должность президента, ставили персон по принципу личной преданности двору. Для большей части из них управление наукой было делом второстепенным и малозначащим. С 1746 по 1765 годы Академией руководил граф Кирилл Григорьевич Разумовский, брат фаворита императрицы, заступивший на этот пост 17-летним юношей. Через пять лет он уже был гетманом Украины, фельдмаршалом и главой Запорожской Сечи. Естественно, что и большую часть времени он пребывал на Украине, в своей резиденции в Глухове.

Текущее управление Академией осуществляла канцелярия, длительное время единовластно, в лице И.Д.Шумахера (Schumacher Johann Daniel, 1690–1761), причастного к созданию Академии еще с петровских времен. Шумахер и принял талантливого и жадного до знаний московского семинариста М. Ломоносова в первый набор академической гимназии, затем, подметив у него “отменную склонность к наукам”, перевёл в студенты, послал в Германию, а по возвращении дал возможность занять должности адъюнкта и профессора.

Императорская Академия наук в ту пору переживала нелегкие времена. Науки были чужды стремительному калейдоскопу императриц. Академию покинула блистательная плеяда профессоров первых наборов. В 1741 году оставил Петербург Леонард Эйлер (Euler Leonhard, 1707–1783), в Коллегию иностранных дел был отозван в 1742 году Христиан Гольдбах (Goldbach Christian, 1690–1764). Астроном Делиль

(Delisle Joseph-Nicolas, 1688–1768), последний из этой когорты, покинул Петербург несколько позже, в 1747 г.

Корыстолюбие и тщеславие Шумахера не были исключением среди разнородного чиновничества. Колоритно выделялась лишь сфера приложения этих качеств — наука. Он умело ориентировался в интригах императорского двора и, нужно отдать ему должное, уберёг Академию от уничтожения, пережив пять самодержцев. Подобная опасность вспыхивала не раз, но искушенный чиновник каждый раз умело сохранял место своего “кормления”.

Трудами Шумахера в Академии была создана прекрасная библиотека, не уступавшая лучшим европейским по наполнению фондов, типография и великолепные производственные подразделения (мастерские). Последние выполняли и сторонние оплачиваемые заказы, в том числе и кабинета императриц, и требования профессоров отнюдь не были для них приоритетны. Книги собственной печати продавались в своей лавке, пополняя скудные доходы Академии. Финансировалась Академия плохо и нерегулярно, профессорам сплошь и рядом задерживалась выдача жалования.

Тяжёлым бременем на Академии лежала обязанность поддержания университета и гимназии. Прекрасная, по замыслу Петра I, триада “Гимназия— Университет — Академия” имела весьма слабые возможности для своей реализации. Принуждение же профессоров Академии к преподаванию в гимназии и университете вызывало у них откровенное недовольство и протест. Сам профессорский состав к середине 1740-х годов, когда Ломоносов стал профессором химии (1745 г.), как отмечалось, существенно потускнел. В Академии довлело уже поколение адъюнктов первого набора — Г.-Ф. Миллер и др.

Безалаберность в организации научной работы Академии в общем и целом устраивала этот тихий и сонный мир, который совсем не стремился к каким-либо научным дерзаниям и прорывам. Бойцовские качества академиков проявлялись только как защитная реакция.

Всесметающая энергия Ломоносова, сознание собственной исключительности, целеустремленность в карьере и поддержка покровителей обусловили как независимость его поведения в безвольной среде, так и стремительный должностной рост. В 1757 году он становится одним из руководителей Академии (членом канцелярии, ответственным за научную деятельность), а в начале 1758 г. президент поручает ему курировать гимназию и университет. И в общественном сознании он становится ПЕРВЫМ соотечественником, ставшим во главе российской науки.

В условиях елизаветинского времени привлечение Ломоносова к управлению Академией было наилучшим решением. Его неуёмное честолюбие было направлено в созидательное русло и принесло свои плоды. Плоды максимальные по существовавшим условиям того времени. И, пожалуй, наиболее действенным было то, что эта гигантская фигура вообще привлекала внимание власть имущих к столь ничтожному, по их меркам, учреждению, как Академия наук.

Ломоносов оказался на своем месте в период начального формирования в массах, у молодых, интереса к науке, в самый тяжёлый период организационного становления учебных заведений.

Середина 50-х годов XVIII века была периодом, когда одаренные любители наук должны были уступить место уже появившимся подготовленным профессионалам.

Вспомним, однако, о начальном этапе научной судьбы Ломоносова, о годах (1729–1735) обучения Ломоносова в семинарии, когда его молодой, ни на что не отвлекающийся ум жадно впитывал латинский, греческий, “славенский” языки, латинскую и русскую поэзию, риторику и философию. Последняя же преобладала и в лекциях Вольфа в Марбурге, где Ломоносов провёл три года. Именно в этот период он увлеченно занимался приёмами и лексикой “немецкаго стихотворства”: “Многих знатнейших стихотворцев вытвердил наизусть. По тамошним ямбам, хореям и дактилям начал размерять стопы в русских стихах, со всем новым образом, несравненно глажее и согласнее прежних в чтении”. Как видим, лучшие годы своей вольной (или предписанной) страсти к познанию Ломоносов отдал гуманитарным наукам. Это и стало истоком его успешных деяний именно в гуманитарной сфере — филологии, истории, социологии. Он безупречен и великолепен в своей “Риторике” и “Русской грамматике”, претерпевшей 14 изданий. Первоначальное образование оставляет пожизненный отпечаток на способах мышления человека, и выход за его рамки требует неотступных целенаправленных усилий. Потому не случайно, что даже в письменной полемике и научных статьях Ломоносов оставался приверженцем стиля художественного произведения, который он привнёс и в формулировки естественнонаучных трактатов.

Историки объясняли столкновение “завистников” и “недоброхотов” с Ломоносовым засильем немцев и их клевретов. Но если взглянуть шире, ситуация же сводилась к противостоянию вышколенных профессионалов, приехавших из-за границы, и первого поколения русских в науке. Они ещё не

достигли профессионализма европейского уровня. Но они были первыми — и В. Е. Ададуров (1709–1780), и Ломоносов, и С. П. Крашенинников (1711–1755), и Н. И. Попов. **Для истории науки в России важен сам факт появления этих имён**. Их научные заслуги для истории вторичны. Важно то, что их тщания пробудили биение отечественной научной мысли. Именно они своим примером привлекли в науку и взрастили следующие поколения соотечественников, академиков по широкому спектру специальностей: А. П. Протасов (1725–1796), И. И. Лепехин (1740–1802), П. Б. Иноходцев (1743–1806), Н. Я. Озерецковский (1750–1827) и др. Последующие поколения, конечно, превосходили своих предшественников. Напомним известный случай такой преемственности: М. В. Ломоносов — С. Я. Румовский, учёный добротного европейского уровня, первый вице-президент АН, попечитель Казанского учебного округа, — Н. И. Лобачевский (1792–1856), учёный мирового уровня, сначала студент, а потом и ректор Казанского университета. **Научные традиции сформировались в России всего за три поколения!**

Административная деятельность Ломоносова была объектом педантичных исследований историков. Образцово поставленное Шумахером и Таубертом делопроизводство Канцелярии Академии наук сохранило для нас сотни и сотни документов Ломоносова. Знакомясь с ними, можно воочию убедиться, сколько сил оторвано им от творчества даже не на развитие, **а на обеспечение текущей жизнедеятельности Академии, простого её существования.**

Обилие документов открывает возможность уточнить роль Ломоносова в руководстве Академией. По уставу 1747 г. предусматривались профессора астрономии, географии, анатомии, ботаники, химии, физики, механики, высшей математики, истории. Конкретная направленность их деятельности определялась ими самими, и никто не был вправе её навязывать. Для рассмотрения узконаправленных проблем в Академии формировались специализированные группы профессоров. В разное время имели место: математическое собрание, Российское собрание, историческое собрание, географический, исторический департамент.

В каком же направлении мог приложить свои усилия Ломоносов для повышения эффективности или хотя бы оживления деятельности Академии? К сожалению, хоть и горестно об этом упоминать, в реальной обстановке он был бессилен что-либо значимо изменить. Ни государством, ни власть имущими, ни военными ведомствами, ни созревающей промышленностью феодальной России науки востребованы не

были. Всех устраивал статус-кво при существующей личности президента. Изменения начались при его (президента) удалении от дел.

Сфера возможной деятельности Ломоносова была предельно сужена. Он не мог посягать на область хозяйственной и финансовой деятельности академии. Ими относительно эффективно управляли сначала Шумахер, а затем Тауберт. Достаточно сказать, что если на содержание Академии вместе с гимназией выделялось по регламенту 1747 г. 53298 руб., то денежные доходы от академической книжной лавки, типографии и мастерских составляли в среднем около 20000 руб. в год. Взаимоотношения с академическим Собранием могли проходить только через непременного секретаря посредством указов канцелярии. Члены Собрания умело, разумеется, “извиняясь” объективными причинами, реагировали отписками на эти указы, никак не меняя привычного ритма и направленности своей деятельности. Непременный секретарь же совершенно обоснованно не считал своей обязанностью активизацию академиков. Академия зримо деградировала: даже текущие Собрания, которые по регламенту должны были происходить 3 раза в неделю, имели место с перерывом в 7 и более дней, а являлись на них едва половина членов и редкие адъюнкты. И Ломоносов в беспомощности предлагает ввести вознаграждение профессорам за посещение академических Собраний.

Равнодушие елизаветинской власти к Академии препятствовало исполнению главной её задачи — изучения собственной страны, в том числе и составления её карты. **Подготовка географических экспедиций оставалась только личной юдолью Ломоносова, без необходимой поддержки сверху и при полном безразличии академической среды. Ломоносов не имел поддержки ни с чьей стороны**. Талант гения оказался направлен в русло непрерывных аппаратных склок с “равными”. И вызрела ещё одна сторона драмы — сознание тщетности собственных усилий на этом академическом посту.

В 1760 г. на Ломоносова возлагается уже единоличное руководство университетом и гимназией. Его согласие на это было, безусловно, жертвой с его стороны. Если в июне 1743 г. его жалоба в Следственную комиссию завершалась фразой: “…при Академии Наук не токмо настоящаго университета не бывало, но еще ни образа, ни подобия университетскаго не видно”, то сейчас, принимая эту ношу, он фактически обязался заново воссоздать и гимназию и университет.

Гимназия (школа) как часть университета подпадала под сословные ограничения принимаемых в университет (п. 41-й

устава): “Принимать в университет из всяких чинов людей, смотря по способности, кроме положенных в подушной оклад”. От приёма в гимназию этим условием отсекалась масса детей из семей купцов, мещан, разночинцев и ремесленников. Гимназия оказалась открытой лишь для детей дворян, чиновников и военнослужащих. Но дворянство, чиновничество и офицерство выбирали для своих сыновей надёжный путь личной карьеры и отправляли их в Шляхетский кадетский корпус, расположенный тут же, на Васильевском острове. Академическая гимназия могла привлечь учащихся только из семей мелкого чиновничества, унтер-офицеров и солдат, т. е. низших слоев городского общества. Но даже такой источник оказывался крайне ограничен. В указанный период гимназия располагалась в бывшем Троицком подворье на 15-й линии. Ежедневное посещение гимназии было доступно учащимся, проживающим всего лишь вблизи Большого проспекта, а в тёмное осеннее и зимнее время затруднено и для них.

Ломоносов, получив в свое полное подчинение гимназию, сразу же перевёл казённокоштных учеников на пансион. По его настоянию было практически удвоено денежное содержание учеников. На эти средства, ранее выдававшиеся гимназистам на руки и изымавшиеся родителями, он организовал проживание, питание, обеспечение одеждой и обувью первоначально сорока, а позднее и шестидесяти воспитанников. Заботливое создание такого полуказарменного режима не решало, тем не менее, главного — организации учебного процесса. Надо всем довлела необходимость пополнения численности учеников. В гимназию, при восьмилетнем сроке обучения, принимали учеников от 6 до 25 лет, принимали в любое время учебного года, с самым разным уровнем начального образования, чаще без оного, при том, что в ней, как объявил канцелярии в 1763 году инспектор гимназии и академик С. К. Котельников, “…таких классов, где бы обучали российской грамоте, не имеется”. Зачастую в старшие классы гимназии переводили студентов или для заполнения классов, или по необходимости приобрести знания по некоторым предметам. В условиях откровенной мешанины никто и не пытался настаивать на единых программах по перечню изучаемых дисциплин. Под крышу гимназии были, естественно, перенесены все семейные пороки. Шальное, буйное гимназическое племя принесло в аудитории, общежитие и трапезную нравы и традиции собственных родителей, т. е. пьянство, драки, лень и беспутство. Публичная порка розгами и карцер являлись штатными мерами воспитания. К отчислению же дозволялось прибегнуть только в вопиющих случаях.

В столице, как и в России, еще не было учителей как некоего профессионального клана. Их с трудом могли отыскать даже для Кадетского корпуса, находящегося под Высочайшим покровительством. Гимназии же оставалось принимать на эти должности недоучившихся студентов, осознавших недостижимость университетского образования и не нашедших лучшей доли. Мораль большей части из них, если и отличалась от нравов гимназистов, то только в худшую сторону. О результатах обучения можно только скорбеть. Так, по результатам экзамена в августе 1764 г. казённокоштных учеников из 13-ти учеников низшего класса переведено было в средний только трое, а из 10-ти учеников среднего — переведён в старший только один. Большинство учеников, в силу своего общественного положения, вовсе не предназначали себя к среднему и уж подавно к высшему образованию. Однако Ломоносов имел все основания гордиться успехом, поскольку, если за семь лет до поручения ему гимназии “не было произведено из гимназии в университетские студенты ни единаго человека”, то за семь лет (1758–1765 гг.) его единоличного руководства учебной частью Академии в студенты было произведено 22 гимназиста. Первые русские студенты, питомцы Ломоносова — что их ждало в университете?

Академический университет вряд ли можно было назвать высшим учебным заведением в современном смысле. По сохранившимся сведениям, в нем насчитывалось в 1752 году — 20, в 1753 — 18, в 1757 — 18 ив 1758 году — 16 студентов, т. е. их среднее число не превышало двадцати. Лекции студентам не читались годами. Когда в 1757 году президент потребовал прекратить эту практику, канцелярия предписала инспектору университета: “А чтоб студенты к оным профессорам на лекции хождение имели, в том их понуждать”. Причины откровенного равнодушия к своей судьбе просты. Лишь немногие из студентов представляли своё будущее. Ещё меньшее число, единицы, связывали его с наукой. Государство не востребовало этих относительно образованных людей. Чинов по табели о рангах университет не давал, и студенты по окончании могли рассчитывать лишь на должности переводчиков или переписчиков в штате Академии или коллегий.

В 1758 г. президент поручил Ломоносову подготовить уставы (регламенты) гимназии и университета, а в 1759 г. тот вручил проекты академической комиссии. В проекты он внёс принципиальное положение о допущении в университет и гимназию лиц, записанных в подушный оклад, и, предвидя рост числа учащихся и студентов, увеличил численность их на казённом коште соответственно до 60 и 30 человек. В регламенте

он также предусмотрел важнейшее нововведение для студентов, окончивших курс обучения, — присвоение чинов по табели о рангах: магистрам — чина поручика, докторам — чина капитана. Эти первые шаги в правах по службе открывали бы выпускникам путь к должностной карьере. Регламент учитывал и привлечение преподавательского состава. В нём для профессоров предполагались “пристойныя ранги и по генеральной табели на дворянство дипломы”. К сожалению, сначала болезни, а затем и кончина императрицы Елизаветы похоронили как этот проект, так и упования на реорганизацию учебных заведений при Академии. Тем не менее, данным ему административным правом он сумел настоять и выхлопотать полуторное увеличение суммы, отпускаемой на гимназию и университет, а в 1764 г. дом, купленный на доходы Академии, был его усилиями передан этим учебным заведениям.

При всех печальных реалиях академический университет всё-таки исполнил свое предназначение. **В течение нескольких десятилетий он оставался для России единственной школой научных кадров, и единицы целеустремлённых студентов нашли своё место в науках. Именно в нём начал свой путь первый десяток русских академиков**.

Взаимоотношения императрицы Екатерины II и Ломоносова имеют удивительно скудную документальную основу. Ранние и современные работы приводят буквально единицы засвидетельствованных фактов как личных встреч, так и опосредованных, через документы, контактов.

Переворот 28 июня 1762 г., приведший к власти Екатерину, готовился с апреля месяца. Тауберт деятельно помогает заговорщикам: с 27-го на 28 июня “в занимаемом им академическом доме ночью, с его ведома и приказа, печатался манифест, который был роздан уже на рассвете”. В тот же день, или на следующий, академические “немцы” присягают новой императрице.

Для Ломоносова переворот стал полным потрясением. Он должен был читать 29 июня в Публичном собрании уже напечатанную академическую речь с восхвалением только что отрекшегося императора Петра III: “..ныне же прошу вас быть довольными добрым началом и совершенно уверенными, что при покровительстве Августейшаго Самодержца нашего Петра третьяго, наследника родовых добродетелей, с сонмом всех прочих наук возрастет и Астрономия…”. Ему нужно время на приказ по уничтожению тиража, где опять-таки не обойтись без Тауберта. Современник свидетельствует о полной растерянности академиков в эти дни. Автору неизвестна дата и обстоятельства

присяги Ломоносова новой самодержице, но очевидно, что он не был в числе первых.

Академия обязана приветствовать Императрицу торжественной одой, и создать её на русском языке мог только Ломоносов. Он молчит и занимается далеко не первостепенными делами академического университета. Лишь 8 июля, через день после смерти Петра III, канцелярии представляется “Ода торжественная…Великой государыне Императрице Екатерине Алексеевне… на преславное Ея восшествие… на престол”. **Ломоносов явно не спешил в гонке славословий**.

19 июля 1762 г. императрица вознаградила Тауберта чином статского советника (военный ранг бригадира) с назначением ему жалования в 1500 рублей в год. Едва оправившийся от недавней “тяжкой болезни”, в сознании опалы былого покровителя И. И. Шувалова, Ломоносов воспринимает повышение соперника в чине как личное унижение и считает себя вправе обратиться непосредственно к Екатерине II с челобитной об отставке из Академии. 24 июля челобитная была передана президенту Академии. Она содержала просьбу о награде повышением в чине на два ранга с коллежского советника (военный ранг полковника) до действительного статского советника (военный ранг генерал-майора) и пожизненной пенсией 1800 рублей в год. Одновременно Ломоносов просит протекции на этот предмет у М. И. Воронцова, но тот сразу же благоразумно отвечает, что будет хлопотать не перед императрицей, а только перед президентом. И 26 июля Ломоносов посылает перечень своих успехов в науках всесильному теперь Г. Г. Орлову, испрашивая ходатайства перед императрицей.

Просьба об отставке была подана в крайне неудачный момент. Ещё не устоялись отношения при дворе, да и коронация Государыни отодвигала любые частные проблемы на задний план. В сентябре двор уехал в Москву. И только в конце апреля 1763 г. императрица обратилась к залежавшейся челобитной. 28 апреля она запрашивает кабинет-секретаря А. Д. Олсуфьева: “Адам Васильевич! Я чаю — Ломоносов беден: зговоритесь с Гетманом, неможно ли ему пенсион дать и скажи мне ответ. В Москве. 28 апереля 1763”. Президент Академии, сам ранее передавший челобитную, естественно, выражает согласие, и через пять дней, 2 мая, Екатерина II подписала чаемый указ об отставке, но с обычным повышением в чине на один ранг до титула статского советника и “вечною от службы отставкою с половинным по смерть его жалованьем”, т. е. около 800 руб. в год. Лишь активное заступничество Г. Г. Орлова убеждает её отменить гибельную для Ломоносова отставку. Через десять дней после подписания указа

Екатерина II послала в Сенат собственноручную записку: “Есть-ли указ о Ломоносова отставке еще не послан из Сената в Петербург, то сейчас же его ко мне обратно прислать”. Удивительны прихоти судьбы — нерасторопность безвестного служителя Сената продлила жизнь великому помору.

* * *

Куда более существенны успехи Ломоносова в словесности. Хотя и его поэтическое творчество при жизни было известно не слишком широко.

Оценим численность *читающей* публики в середине XVIII века. К ней следует отнести сановное и знатное дворянство, служилое, чиновничье и помещичье дворянство, гражданское чиновничество, купечество и мещанство, духовных лиц, ничтожный слой преподавателей и учёных. Имеющиеся данные позволяют оценить относительную численность этой категории.

По статистическим данным, перед реформами Александра II в России было только 6 % грамотных. Такой уровень был достигнут через 70 лет после создания Екатериной II государственной системы народного просвещения. Обратившись к временам Петра I, мы узнаем, что его “господа сенат” имели в своем составе двух неграмотных. Это легендарный светлейший князь А. Д. Меншиков — первый из русских, принятый в Лондонское Королевское научное общество, — и князь М. В. Долгоруков. Применительно к крестьянству напомним о сладостных мечтаниях просветителя из простонародья И. Т. Посошкова иметь на целое село хотя бы одного грамотного. Со временем ситуация улучшилась, и Екатерина II в своих мемуарах так характеризует елизаветинский Двор: “Остерегались говорить об искусстве и науке, потому что все были невеждами: можно было побиться об заклад, что лишь половина общества еле умела читать, и я не очень уверена в том, чтобы треть умела писать”. Такая “мажорная” нота и линейная интерполяция от Александра II к петровским временам позволяет оптимистично считать относительную численность элементарно грамотных как 2 % населения, т. е. примерно 400 тыс. человек при общей численности населения России 20 млн человек. Не более чем каждый двадцатый из них интересовался поэзией, иными словами, с учетом общего развития и собственных пристрастий, читателей стихов, од и псалмов Ломоносова насчитывалось около 10 тысяч человек. Они же включали немногочисленных знакомых с его естественнонаучными трудами. Данные о тиражах изданий

его трудов уверенно коррелируют с этой цифрой.

Вот эти-то 10 тысяч верноподданных короны из сановного, знатного и служилого дворянства, сосредоточенные, в основном, в обеих столицах, и были теми, о ком написано: "..Россиянин отдыхал за творениями Ломоносова, котораго лира гремела и пленяла тогда Россиян, еще не строгих судей в поэзии, но уже чувствительных к великим красотам ее" (И. Ф. Богданович, 1743–1803 гг.). Таково свидетельство современника. А благодарный потомок (Чернышевский Н. Г.) через сто лет мог с полным правом утверждать: "Главная заслуга Ломоносова и писателей, следовавших за ним… состояла в том, что они своими произведениями возбуждали охоту к чтению и мало-помалу увеличивали число людей, интересующихся литературою… Трудами этих людей образовалась в России "публика", то есть некоторая часть русского народа получила привычку находить в чтении наслаждение, без которого уже не могла обходиться".

Почему же творения и личность Ломоносова стали привлекательны для читающей публики? Он был свой. Он был свой и близкий во всем — в происхождении, в привычках, манерах, традициях и обычаях, понятный в языке, понятный в вере.

Он был образцом личных качеств русского мужика, даже физических, примером личного творческого успеха. Свободный помор недюжинных талантов бросает родной дом и сам ломает предначертанный ему путь, отказываясь от привычной купеческой, духовной или военной стези и выбирая никому не понятную науку. Редкостное, стихийное стремление мужицкого сына стало для России знамением — **знамением независимого отклика низов на чаяния Великого Петра о возникновении собственной русской научной поросли**.

Масштабом своей личности Ломоносов создает небывалый прецедент, доказав, что русским есть место в науке. И все знали, что именно он возглавляет науку в Академии. Чтобы представить непреходящую ценность такого события, нужно уйти в XVIII век и понять, что достойных примеров пребывания русских в науке просто не было, и никто не мог утверждать, что они там вообще могут быть. А вот — случилось. И потому по праву Ломоносова можно назвать основоположником **русской** науки.

В деяниях его было нечто, что интуитивно, самостоятельно, по доброй воле востребовано просвещённым людом, и это нечто могло быть найдено только у него и ни у кого другого. Он дал старт непрерывному осовремениванию русского языка, чтобы "слог его был великолепен, чист, тверд, громок и приятен". **Талантом и устами Ломоносова наука, в ее разнообразных**

отраслях, впервые и свободно заговорила по-русски. Осовремененный им русский язык позволил молодому поколению войти в науку. Наука не может обойтись без языка соответствующего времени. Обновление позволило ввести в науку русские названия, термины, дефиниции, определения. Пример тому “Вольфианская физика”, переведённая им.

Через сто лет было образно сказано: “У кого достало <бы> творческой силы оббить и сделать восприимчивым такой грубый и неподатливый материал, какой представлял из себя Русский <книжный> язык во время Ломоносова…” (И. С. Аксаков). **Ломоносов к радости своей открыл, что русский разговорный язык, которым общались, шутили и бранились его окружающие, обладает всем тем богатством, что необходим для свободного выражения самых сложных мыслей**. И он имел отвагу начать писать этой разговорной речью. И читатель был поражен красотами и гибкостью того самого языка, которым он повседневно пользовался в быту. Невозможно переоценить важнейшую роль выразительной силы языка Ломоносова. Известно, что “Слова в России — больше, чем слова” (Н. В. Карлов), что “словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести” (В. С. Шефнер).

И мощное оружие СЛОВА было использовано для возвеличивания России.

Призыв, обращенный к чувствам русского народа, должен был помочь освободиться от векового сознания собственной отсталости, собственной ущербности перед этими “немцами”. Это в Москве, в слободе Кукуе на Яузе, они жили в некоторой культурной изоляции. Здесь же, в Питере — вот они, перед глазами. Они и умнее, и развитее в быту, в костюмах, в обычаях, привычках, нравах и трудовых навыках, они прилежно несут в страну науку, несут в страну промышленность, несут военное искусство и вооружение. Но они — ПРИШЛЫЕ, ЧУЖИЕ, со своими опрятными домиками и “тощими немецкими душами”. И Ломоносов непрерывно обращается (опустим цитаты) к национальной гордости россиян: и язык наш лучше всех, и история богаче всех, и Сибирь, что мы насквозь прошли (до Аляски досягнули), — самая богатая, и вера самая правильная, и военные победы наши неисчислимы… Нам ли сомневаться, что и в науке, как завещано Великим Петром, россияне возобладают. **Этих слов ждали**, и они были восприняты названным тончайшим, но влиятельным слоем просвещённого населения.

На кончину Ломоносова откликнулись эпитафиями весьма многие лица, далеко отстоящие друг от друга на общественной лестнице. Среди них были и профессиональные поэты А. П.

Сумароков и И. Ф. Богданович, и граф Андрей Шувалов, будущий соавтор “Антидота”, певчий придворной капеллы И. К. Голеневский и скромный учитель английского языка Сухопутного Кадетского Корпуса Л. И. Сичкарев (1741–1809), оплативший издание из своих скудных средств:

Российской Соломон отходит в смертной путь.
Внемлите Росские вы музы лире сей,
Се полагается во гроб ваш Орфей.
Не будет больше петь на Невских он брегах,
Прекрасны лавры вам оставил при водах.
Внушите Риторы российские сей тон,
Се покрывается землей ваш Цицерон.
Уж громогласная российская труба
В гроб заключается подземной навсегда.
Внушите ведущи вы естества закон,
Се в тьму скрывается великий ваш Невтон.

Не менее выразительна строфа, принадлежащая перу Н. Н. Поповского, написанная при жизни Ломоносова:

Московской здесь Парнас изобразил Витию,
Что чистой слог стихов и прозы ввел в Россию.
Что в Риме Цицерон и что Вергилий был,
То он один в своем понятии вместил.
Открыл натуры храм богатым словом Россов;
Пример их остроты в науках Ломоносов.

Таково было мнение просвещённого общества.

Но и церковь по праву могла считать его своим воспитанником и гордиться им, затмившим Феофана Прокоповича. Он вышел из её недр и, несмотря на некоторую фронду и молодечество (“Гимн бороде”), стоял на защите православия всем своим авторитетом.

В 1757 году выходит “Собрание разных сочинений в стихах и в прозе… Михайла Ломоносова”, открывающееся предисловием “О пользе книг церковных в российском языке” с беспрекословным утверждением: “..Российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку неподвержен утвердится, коль долго церковь Российская славословием Божиим на Славенском языке украшаться будет”. Стоит ли обсуждать, на чьей стороне используется это имя в многовековом вопросе о

переводе церковных служб на русский язык? Великолепным ломоносовским слогом были написаны “пре-ложения” семи псалмов, ода на темы ряда глав из Иова, и все это размещено на первых страницах прижизненного издания. Сочинения весьма активно были востребованы читающей публикой, как духовной, так и светской. Не сомневаясь в существовании Творца и будучи твёрдым в вере, Ломоносов, полагая наличие атмосферы на Венере, считал нужным высказаться о веровании возможных на ней живых существ. Не будем комментировать, согласимся с неординарностью мысли.

Церковь достойно воздала памяти своего питомца не только частными речениями, но и небывалой для худородного лица процедурой погребения. И неслучайно в дни 200-летнего юбилея Ломоносова (1911 г.) в стенах Московского университета прозвучало:

“И сама Церковь присоединяется к общему торжеству своим молитвенным воспоминанием о приснопамятном юбиляре, как об одном из славных питомцев своей школы, двигателе духовнаго просвещения и незабвенном певце величия Божия. Да будет же благословенною память о нем из рода в род!” (Боголюбский Н. Речь в храме Имп. Моск. Университета).

Итак, Ломоносов по праву стал кумиром весьма тонкого слоя читающей публики. Время государственного внимания придёт позже.

* * *

Вернёмся к последнему году жизни Ломоносова. Документы свидетельствуют о тяжёлом кризисе, длительно развивавшемся и достигшем апогея приблизительно за месяц до его кончины. Трагическим был в жизни Ломоносова 1764 г. Ранее счёл за лучшее покинуть Россию И. И. Шувалов. Теряет влияние К. Г. Разумовский, пытающийся отказаться от должности Президента Академии. Ломоносов всеми силами тщится привлечь нового покровителя — всесильного Г. Г. Орлова. Развеялись надежды на вице-президентство в Академии. Академическая среда прекрасно обходится без него. Он одинок, у него нет друзей и союзников, в лучшем случае — это собеседники.

Кризису способствовал выход на первый план в Академии молодых лиц: в естественных науках — С. Я. Румовского (1734–1812 гг.) ив гуманитарных (филология, история) — А. Л. Шлёцера (1735–1809 гг.). Оба талантливы и друзья, оба с младых лет посвятили себя науке, оба достигли профессиональных вершин.

Вышколенные профессионалы неминуемо сменяют в науке талантливых и самоотверженных дилетантов. Но если стезя Румовского — это всё-таки сторонняя для Ломоносова астрономия, то немец Шлёцер посягает на изначально русские, выношенные и выпестованные Ломоносовым области знаний. И этот соперник не только получает поддержку на выборах в профессора Академии, но высоко оценен при дворе и одарён правом представлять свои сочинения непосредственно императрице. История уже рассматривалась не только как набор фактов и анекдотов. Были сделаны первые шаги в методологии поиска объективных первопричин событий и анализа их развития.

Печальной оказалась судьба материалов, собранных Ломоносовым для Российской истории. Он отказался передать их Шлёцеру, просившему об этом, и вручил документы Ф. А. Эмину, человеку случайному в исторической науке. Написанный и изданный Эмином труд не оказался достоин памяти Ломоносова.

Весной 1764 г. он составляет “Обзор важнейших открытий, которыми постарался обогатить естественные науки Михайло Ломоносов”. Применительно к классу “гуманиорум” (истории, филологии и т. д.) или стихосложению, ничего подобного “Обзору” в его бумагах не найдено. В его глазах они малозначимы сравнительно с естественными науками.

“Обзором”, привычно написанным в третьем лице, Ломоносову необходимо поддержать себя верой в значимость собственных научных заключений. Не будем комментировать представленные 9 пунктов, укажем только, что наблюдения прохождения Венеры по диску Солнца в эти пункты им не были включены. Слог “Обзора” чеканен и безжалостен к оппонентам, увы, давно минувших лет. Современные Ломоносову авторы опущены. И не случайно! Причину он раскрывает сам.

В эти же дни (весна 1764 г.) им сделаны наброски плана “Системы всей физики”. Перечисленные в ссылке номера пунктов плана отражают и в разных словах многократно формулируют общее научное кредо Ломоносова: “Пусть физик не подчинит свой ум какому-либо знаменитому и прославленному своими заслугами автору”.

Красной нитью через череду документов 1764–1765 годов проходит стремление Ломоносова осмыслить своё место в науке, итоги многолетнего в ней пребывания, отсутствие достойного признания отечественных и зарубежных коллег. И мы воочию наблюдаем драму личности, не удовлетворённой этими итогами, личности, лишь раскрывшей, но далеко не во всём реализовавшей свои дарования. Можно строить догадки о причинах выбора Ломоносовым естественных наук как критерия личной оценки.

Время и потомки выделили совсем другую сторону его деяний. Но Ломоносов воспринимал науку как главное призвание жизни, и сознание не свершённых Великих Дел, соразмерных трудам гигантов, означало для него не менее как жизненное поражение.

Февраль-март 1765-го года. Ломоносов всё так же член Канцелярии, ему подчинены научная деятельность Академии, ее гимназия и университет, он имеет чин статского советника, владеет деревнями и крепостными, обладает правом на получение дворянства, получает небывалое для Академии жалованье. У него собственный дом на Мойке, в центре столицы, с садом и лабораторией. Устроена судьба дочери, недавно обручённой. Только что благополучно разрешилась проблема его долгов. Как и ранее, он обласкан фаворитом императрицы. Его проект поиска северного прохода поддержан властью и активно реализуется. “Заклятый враг всех честных людей” Г.-Ф. Миллер удален в Москву. Казалось бы, во всем, чему Ломоносов посвящал свой талант и длительные усилия, он добился успехов и восхищения сонма поклонников. Но вчитаемся в строки, выведенные его рукой за месяц до кончины, какое же смятение человеческой души, какой надлом скрывается за ними:

“1. Видеть Государыню.

2. Показывать свои труды.

3. Может быть, понадоблюсь…

4. Беречь нечего. Всё открыто Шлёцеру сумасбродному. В Российской библиотеке есть больше секретов. Вверили такому человеку, у коего нет ни ума, ни совести, рекомендованному от моих злодеев.

5. Приносил его высочеству дедикации <посвящение>. Да все! И места нет.

6. Нет нигде места и в чужих краях.

7. Все любят, да шумахерщина.

8. Multa tacui, multa pertuli, multa concessi [многое принял молча, многое снес, во многом уступил].

9. Зато терплю, что стараюсь защитить труды Петра Великого, чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство pro aris etc. [за алтари и т. д.].

10. Я не тужу о смерти: пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют.

11. Ежели не пресечете, великая буря настанет”.

Но будем верить, что в последние дни отчаяние покинуло его, и светлый духом он отошёл в лучший из миров.

* * *

Прохладным, мягко говоря, было отношение к покойному близкого круга императрицы. Оно было высказано достаточно откровенно устами наследника престола 11-летнего Великого князя Павла Петровича. Услышав о смерти Ломоносова в день его кончины, он отозвался: “Что о дураке жалеть, казну только разорял и ничего не сделал”. В памяти еще были свежи расходы на мозаику “Полтавской баталии”. Высказанное, конечно, не являлось его собственным мнением, оно лишь отражало общие суждения воспитателя цесаревича, канцлера Н. И. Панина, которые не могли противоречить взглядам Самодержицы. Присутствуя за столом с особами, “которых и в мыслях тронуть боязно”, наследник впитывал их отношение к конкретным лицам.

К счастью, не сбылись искренние, высказанные в последние дни его жизни и донесённые до нас Штелиным опасения Ломоносова о крахе Академии по его кончине: “Смерть встретил с духом истиннаго философа; сказал: жалею только, что покидаю недовершенным то, что задумал я для пользы отечества, для приращения наук и возстановления упавших дел академических: оно умрет со мною”.

Обстановка в Академии к этому времени претерпела существенные изменения. В Россию вернулся великий Л. Эйлер с сыном, управление Академией приобрело элементы коллективного руководства под началом нового, юного директора графа В. Г. Орлова (1743–1831 гг.), профессор Академии Г.-Ф. Миллер был избран в первый российский парламент. Академия активно подготавливала посылку нескольких экспедиций по наблюдению грядущего в 1769 г. прохождения Венеры по диску Солнца. Паллас, Гильденштедт, Лепехин, Фальк и другие начинают интенсивно исследовать неизмеримую Империю, как бы вновь открывая её для человечества или, вернее, открывая её для мира впервые. Экспедиции, как известно, завершились весьма успешно, к вящей славе венценосной покровительницы наук.

Имя Ломоносова временно покинуло Академию и упоминалось в ней лишь по случаю очередного издания его стихов. Уместно отметить весьма умеренные тиражи издания произведений. В интервале 1751–1784 гг. были установлены всего лишь 13 изданий его произведений средним тиражом около тысячи экземпляров.

Н. И. Новиковым в 1772 г. впервые публикуется биография Ломоносова на русском языке. Основывался он, как можно судить по неточностям, на устных сообщениях и собственных воспоминаниях. С появлением этой книги образ Ломоносова, вышедший из-под пера вольного каменщика, начал собственное, независимое существование.

В последующее десятилетие имя Ломоносова оставалось известным весьма узкому кругу почитателей его поэтического дара. Власти предержащие потеряли к нему всякий интерес. Его архив, купленный Г. Г. Орловым, мирно догнивал в заваленном строительным мусором подвале дома фаворита, библиотека была распылена в книжном собрании графа. Со временем имя Ломоносова, по-видимому, было бы затенено другими талантливыми авторами.

Но в 1782 г. произошло событие, которое вернуло внимание к его фигуре, внимание, продиктованное уже не личными пристрастиями, а государственными интересами. Событие это — создание государственной системы народного просвещения — предопределило интеллектуальный потенциал страны на века вперёд. В отличие от прежних прекраснодушных проектов, реализация системы была начата по конкретному плану, выработанному Ф. У. Т. Эпинусом при непосредственном и активном участии императрицы. В стране вводились единые сроки обучения, единые программы, единые методики преподавания, единые требования кучащимся, единые учебники и централизованная (впервые в истории) подготовка учителей. Всем процессом призван был руководить вновь созданный государственный орган “Комиссия об учреждении народных училищ”, облеченная правом прямого доклада Екатерине II. Деятельность системы образования предусматривала не только обучение, но и идеологическое воспитание школьников, в первую очередь — верноподданнических и патриотических чувств.

Намерения эти должны были зиждиться на отечественных примерах известных личностей. На государственной и военной стезе их число безмерно. А на гражданской? XVII век выстрадал гражданина К. Минина и отдавшего “жизнь за царя” гражданина И. Сусанина. Чьё же имя назовет XVIII век подрастающим поколениям как образец гражданской позиции? — М. В. Ломоносова.

С ним некого сравнить. Других русских эталонов такого масштаба, сопоставимых с ним, просто не было. Любая из известных граней его жизненного пути по праву, без фальши, может быть представлена молодым умам и сердцам. Образ Ломоносова — это не только средоточие верноподданнических излияний, выраженных в одах и поэмах, но и символ стремления к знаниям по зову души с юных лет. Отклик императрицы на такое стремление должен подчеркивать и её благодеяние в заботах о просвещении народа. Те, кто должны были учить детей и наставлять молодежь, нуждались в примере, который был бы

безупречен, во всяком случае с их точки зрения, с тех позиций, тех основных ценностей, которые они должны были внушать молодым.

Впоследствии изложение жизненного пути Ломоносова неоднократно менялось, подчиняясь нуждам и взглядам текущего времени, но броские факты каждый раз заимствовались из его первой академической биографии.

В 1783 г. Н. Г. Леклерк в своей “Современной истории России” посвятил Ломоносову пятистраничный панегирик со вставкой кратких биографических данных, выделяя его из обширного ряда русских писателей и поэтов словами: “Плиний нашего века — возможно, единственный пример, который свидетельствует о счастливом сочетании ума с совокупностью ярких великих талантов”. Этот француз помнил и Ломоносова, и мнение образованной публики о нём, и донес это мнение в таких словах.

Летом 1786 г. императрица заканчивает свою историческую пьесу “Начальное управление Олега”. В пятое действие пьесы она, не умевшая, как известно, писать стихов, вводит строки из од Ломоносова. Над строками, в тексте пьесы указывалось — “Из Ломоносова”. Всевысочайшее провозглашение соавторства в исторической, патриотической пьесе означало прямое покровительство памяти поэта. Оно поддержало внимание к нему и не дало кануть в Лету, поскольку и последующие монархи считали необходимым сохранить покровительство, предопределившее высказываемые мнения на десятилетия вперед. В 1793 г. императрица повелевает установить бронзовый бюст Ломоносова (автор Ф. И. Шубин) в Камероновой галерее Царскосельского дворца, где размещались бюсты античных героев. Приобщив к этой череде скульптурный портрет Ломоносова, императрица придала его имени высокий общественный статус национального символа. В свете такого статуса меркнут любые оценки других его деяний. И 1793 год можно считать эпилогом формирования эталона просвещенного гражданина отечества с его характерной гранью — образом поэта-патриота.

В первые годы XIX века под эгидой вновь созданного министерства просвещения в России было введено и установлено единство управления всеми учебно-воспитательными и научными учреждениями. Даже Императорская Академия наук была передана в его подчинение. Для разворачиваемой сети гимназий и уездных училищ были подготовлены группы учебников и книг для классного и домашнего чтения, в том числе и по российской словесности. Последние, естественно, включали лучшие образцы

отечественной поэзии и прозы. Учебники и рассказы учителей и донесли образ Ломоносова до многих тысяч учащихся и членов их семей. Итак, на переломе веков приобщение к трудам и имени Ломоносова стало ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ для заметной части подрастающих поколений. В типовой хрестоматии этого времени приводятся биография Ломоносова, его повествования, образцы писем, переводы, образец популярного научного изложения (“О пользе физики”), отрывок из риторики, образец светской приветственной речи. Иными словами, слово Ломоносова представлено как эталон во всех разделах словесности.

Его образ в глазах многих начал восприниматься как неотъемлемая часть Российской истории. В это же время увидела свет книга, в которой Ломоносов поставлен в ряд национальных героев: сподвижника Петра I князя Я. Ф. Долгорукова, А. В. Суворова, П. А. Румянцева-Задунайского и Г. А. Потемкина.

Среди других поэтов его выделяло многое: не только стиль, слог и язык, но и, в первую очередь, происхождение, юношеские жизненные устремления, красочная биография, принадлежность к чтимому ученому миру и внимание императорской фамилии. Каждая из этих граней могла быть поставлена как пример, убедительно и привлекательно описана для общества.

Даже А.-Л. Шлёцер, доживший до начала XIX века, писал о русском гении: “Ломоносов был действительный гений, который мог сделать честь всему северному полюсу и Ледовитому морю и дать новое доказательство тому, что гений не зависит от долготы и широты. Он так поздно поднялся с своего двинского острова и, несмотря на то, в следующие десять лет приобрел так много и столь разнообразных познаний. Он создал новое русское стихотворство и новой русской прозе он первый дал свойственную ей силу и выразительность”.

Волею судеб к тому же периоду примкнуло еще одно событие. Императорская Российская Академия в её годовом торжественном собрании 1805 года заслушала по случаю сороковой годовщины со дня кончины М. В. Ломоносова “Похвальное слово” ему, зачитанное известным минералогом В. М. Севергиным (1765–1826 гг.). В докладе основная часть была посвящена значению Ломоносова в “обогащении слова Российскаго”. Автор также призывал обратить “мысленный взор наш на прочие труды его, ибо дух деятельности сего мужа не останавливался на одном Витийстве и Поезии, но разпространялся почти на всю обширность знаний человеческих”. Поэтому, безусловно: “Мы должны паче удивляться, как единый человек возмог столь многия и многоразличныя познания”.

Слава Ломоносова-поэта в начале XIX века достигла апогея.

Величавая помпезность языка и образов, неотъемлемая патриотическая направленность стихов востребованы растущей сферой народного просвещения с органически присущим ей патриотическим воспитанием. Но удивительно быстро, в течение пятнадцати-двадцати лет появившаяся плеяда крупных талантов выходит на первый план, и старомодная поэзия с отмершими славянизмами становится достоянием истории. Окончательный приговор образу Ломоносова-поэта выносит Пушкин, посвятив ему изумительное по красоте четверостишие “Отрок”:

Невод рыбак расстилал по брегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

Пушкин, тем не менее, характеризует Ломоносова совершенно определенно: “Уважаю в нем великаго человека, но, конечно, не великаго поэта. Он понял истинный источник русского языка и красоты онаго: вот его главная услуга”. Суждения Пушкина беспрекословны по критериям иного века.

“…Он создал первый русский университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом”. Против этого возразить нечего.

В 1936 году, в дни празднования 225-летнего юбилея со дня рождения Ломоносова, непременный секретарь АН СССР Н. П. Горбунов, ранее секретарь В. И. Ленина, предложил в своей речи “присвоить Московскому университету славное имя Ломоносова”.

В 1940 году, по случаю 185-летнего юбилея университета, Советское правительство присвоило имя М.В. Ломоносова первому вузу страны. В наши дни при подготовке к торжествам, посвященным 250-летию университета, был создан и утвержден (2004 г.) новый Гимн МГУ, неразрывно и навечно связавший имя Ломоносова и университет.

В нынешнем состоянии без пробуждения русского национального самосознания невозможно восстановление страны. И опять во главе когорты славных сынов России должен стать Ломоносов. Во многих, очень многих сходных обстоятельствах Отечество призывало их образы. Придут они на помощь и ныне.

Внимание к образу поэта-патриота может существенно усилиться развитием текущих тенденций в состоянии страны. Обращение к авторитету исторических личностей вызывается

обычно протестными настроениями. Заветы Ломоносова о “просвещении” и “сбережении” народа, о русском судьбоносном величии будут непрерывно обретать приверженцев и постепенно становиться лозунгами в растущем противостоянии России и Запада, в сопротивлении подавлению национальной культуры страны.

Счастлива страна, которая может предложить взорам и умам безупречный, идеальный образ, зовущий к совершенству человеческой личности!